

—

За все восемнадцать лет жизни воспоминаний о старших брате и сестре у Ян Цзяшэна было немного.

Брат, Ян Цзямао, был старше его на семь лет, а сестра, Ян Цзячжэнь — на девять. Слишком большая разница в возрасте привела к тому, что они никогда не играли вместе, и общих тем у них не было.

Когда Цзяшэн пошел в первый класс, сестра окончила среднюю школу и, набравшись смелости, укатила с односельчанами на заработки в южный город. Прошло больше десяти лет; она так и осталась там: работала, вышла замуж, родила ребенка. За все эти годы она возвращалась в родную деревню на Новый год считанные разы. Один раз приехала на свадьбу — скромно накрыли несколько столов. Когда забеременела, путь с юга в деревню стал слишком тяжелым и неудобным, а после рождения ребенка дел прибавилось, и ей стало совсем не до поездок. Она не приехала даже тогда, когда не стало дедушки и бабушки.

Дедушка перед смертью, лежа на больничной койке, говорил Ян Цзяшэну: «Не вини сестру, у неё дитё малое, она там корни пустила. Разве может мать бросить своего птенца?» Но про родителей дед только плевал: «Тьфу! Тут еще один ребенок остался, а эти двое будто ослепли и оглохли — знать ничего не хотят!»

Родители за эти десять с лишним лет тоже возвращались в деревню по праздникам лишь изредка. Ян Цзяшэн сомневался, видел ли он их чаще десяти раз за всю свою жизнь от рождения до совершеннолетия. Когда брат учился в средней школе, на каникулах часто устраивали дополнительные занятия, и родители говорили: «У ребенка каникулы короткие, до Нового года всего ничего осталось, не поедем». В тот год, когда брат поступил в университет, родители, сияя от гордости, наконец приехали на Новый год и обходили всех родственников, хвастаясь сыном-студентом. Брат тогда уже был важным первокурсником, и ему совершенно не о чем было говорить с шестиклассником* Цзяшэном. Маленький Цзяшэн тогда даже считал брата крутым — шутка ли, в университет поступил! Но брат на него и не смотрел, только брезгливо морщился, глядя, как тот целыми днями возится в грязи, словно «земляная обезьяна».

Позже старший брат окончил университет и сдал экзамен на госслужбу в родном уезде. Стал чиновником, чем несказанно обрадовал родителей. Ян Цзяшэн в то время даже в старшую школу не прошел по баллам и сразу после средней школы отправился работать — на фоне брата он выглядел полным ничтожеством. Родители несколько раз проклинали его за непутевость. Брат тоже подливал масла в огонь: «И что ты будешь делать после окончания средней школы?»

Ян Цзяшэну это казалось странным: раз в старшую школу есть проходной балл, значит, кто-то его обязательно не наберет. И что делать этим людям? Разумеется, идти работать и кормить себя. Не дома же сидеть и плакать?

Дедушка тогда хотел отправить его в профтехучилище, чтобы тот выучился ремеслу. Ян Цзяшэн отказался: он считал, что на работе и так всему научится. К тому же он не хотел учиться еще три года — ему нужно было скорее начать зарабатывать. Дедушка состарился, огород копать уже не мог, и ему каждый месяц требовались лекарства. Нужны были деньги.

У родителей денег по-прежнему не было, потому что брат вернулся в уезд и вся семья

планировала переезд. Их старый глиняный дом для жизни не годился: нужно было строить дом, играть брату свадьбу, покупать ему машину, чтобы удобно было ездить на работу. В общем, они строили множество планов, но в этих планах не было места ни Ян Цзяшэну, ни его дедушке.

С какого-то момента Ян Цзяшэн перестал называть его братом и звал просто — Ян Цзямао. После смерти деда Цзяшэн даже поколотил брата, и тот, к своему удивлению, не смог дать сдачи. Цзяшэн незаметно вырос, стал выше брата, а годы на стройке сделали его куда сильнее «чиновника».

Ян Цзямао тогда кричал: «Я твой брат!»

В ответ Ян Цзяшэн только плюнул на землю, презрительно на него посмотрел и ушел.

Так почему же сейчас он так легко выпалил это «гэ» Сюй Шуньхэ?

Ян Цзяшэн лежал на кровати, уставившись в потолок, и никак не мог найти ответ. У него не было привычки называть кого-то «братом», он годами не произносил этого слова в адрес Ян Цзямао. Последний раз, наверное, еще в начальной школе.

Но... Сюй Шуньхэ подходил на роль брата куда больше. Пусть он и не был студентом.

В половине девятого вечера Сюй Шуньхэ уже погасил свет. Ян Цзяшэн теперь следовал его примеру: в 20:30 выключал лампу, немного листал телефон и в девять засыпал.

В полумраке комнаты светился лишь экран мобильного. Ян Цзяшэн разглядывал аватарку Сюй Шуньхэ в WeChat — это было фото вывески «Обещаю, вам понравится». Заглянул в его ленту: она была открыта для всех, но состояла сплошь из постов: «На сегодня всё распродано», «Баоцзы закончились», «Осталось немного маньтоу и чайных яиц». Было еще старое объявление о найме, и всё.

Ни одного поста о личной жизни.

Ян Цзяшэн листал вниз, но постов было немного, и лента скоро закончилась. Самый ранний пост был сделан три года назад — фото в день открытия лавки. На тротуаре еще валялись обрывки праздничных лент. Сюй Шуньхэ сфотографировал всё внутри, набрав девять кадров для галереи. Ян Цзяшэн увеличил снимки и заметил, что за три года в лавке ничего не изменилось — она была такой же чистой, как в первый день.

Стальной стол для теста так же сиял, соевая машина была безупречна, стеклянная витрина прозрачна, даже швы на плитке остались белыми — это вызывало невольное уважение. Сюй Шуньхэ три года изо дня в день тратил уйму времени на уборку после закрытия, чтобы сохранить лавку в таком виде.

Даже меню осталось прежним: баоцзы, обычные маньтоу, маньтоу с коричневым сахаром, соевое молоко и чайные яйца. Всего пять позиций, и за три года ничего не добавилось.

Ян Цзяшэн подумал: «Почему он не продает ютяо*?» Ему самому ютяо очень нравились, да и себестоимость у них низкая — прибыль была бы отличная. Еще он поразмыслил, почему в меню нет баоцзы с овощами, с бобовой пастой или с кремом...

[*Ютяо (油條, Yóutiáo) — это популярное блюдо китайской кухни, жаренные во фритюре до золотисто-коричневого цвета нарезанные полоски теста. Традиционно готовится солёным и

делается таким образом, чтобы его можно было разломать на две части по длине, хрустящие снаружи и мягкие внутри.]

От дум о стратегии развития «Обещаю, вам понравится» Ян Цзяшэн вспотел еще сильнее. Шел июль — самый разгар жары. Вентилятор, работающий всю ночь, не спасал: он гнал лишь потоки раскаленного воздуха. В камерке не было никакой вентиляции, и даже открытая дверь не помогала.

Ян Цзяшэн спал в одних трусах, но всё равно был мокрым насквозь, а бамбуковая циновка стала липкой от пота. Не выдержав, он вскочил, протер циновку влажным полотенцем и спустился вниз принять душ.

На первом этаже было куда прохладнее — там хотя бы имелось окно в задней стене. Выйдя из душа, Ян Цзяшэн подумал, что стоит просто притащить циновку вниз и постелить на полу. Он тихо поднялся наверх за постелью, но увидел, что в комнате Сюй Шуньхэ горит свет — тот проснулся.

Сюй Шуньхэ открыл дверь и позвал:

— Цзяшэн.

— Я тебя разбудил? — Ян Цзяшэн подошел ближе.

— Слишком жарко? — Сюй Шуньхэ оглядел его. — В душ ходил?

Ян Цзяшэн кивнул:

— Хотел постелить внизу на полу, там прохладнее.

Сюй Шуньхэ замахал рукой:

— Не надо, на полу неудобно, да и внизу тоже душно. Пойдем, поможешь мне. Нужно снять верхние листы фанеры над перегородкой, тогда холодный воздух от кондиционера будет попадать к тебе, станет легче.

Сказав это, Сюй Шуньхэ зашел в камерку, достал ящик с инструментами, взял молоток и позвал Цзяшэна в свою комнату. Он подставил стул, залез на него и пояснил:

— Эта фанера просто прибита гвоздями. Я сниму верхний слой, у меня тут кондиционер, и у тебя сразу похолодает.

Сюй Шуньхэ работал ловко: за десять минут он вытащил гвозди и снял три листа фанеры высотой около шестидесяти сантиметров.

Потолки на втором этаже были низкими — всего два двадцать. Убрав шестьдесят сантиметров фанеры, он оставил стену высотой метр шестьдесят. Ян Цзяшэн, стоя у перегородки, мог, даже не вставая на цыпочки, видеть свою железную кровать в камерке. Соответственно, и комнату Сюй Шуньхэ теперь было видно как на ладони.

Ян Цзяшэн впервые оказался в комнате Сюй Шуньхэ. Тут было окно с серо-зелеными шторами, над которым висел старый кондиционер с пожелтевшим корпусом. Комната была чуть больше камерки; в ней стояла узкая кровать, простой деревянный шкаф и старый письменный стол, покрытый темно-красным лаком — видимо, остался от арендодателя. В остальном здесь было

так же просто, как и у помощника: скудно, но очень чисто.

Сюй Шуньхэ прожил здесь три года, но не оброс вещами. Казалось, он может собраться и съехать в любой момент.

Сюй Шуньхэ подправил направление потока воздуха и сказал:

— Иди ложись, теперь будет прохладнее. Лето в Наньчжоу долгое, кондиционер еще месяца три крутить придется. Нельзя же, чтобы ты тут зажарился.

На Сюй Шуньхэ была пижама — белая трикотажная футболка, такая старая, что воротник растянулся, а по краям виднелись маленькие дырочки, но он всё равно не выбрасывал её.

Ян Цзяшэн собрал фанеру и вынес в коридор. Сюй Шуньхэ вернулся, помыв руки, и, увидев, что парень всё еще стоит в дверях, сказал:

— Ну, спать иди.

— А... — Ян Цзяшэн глуповато кивнул. Но в комнату не шел, замялся и наконец выдавил: — Я... я теперь буду оплачивать половину счетов за электричество.

Сюй Шуньхэ прыснул со смеху, подтолкнул его в комнату и бросил:

— Спи давай, разорюсь я из-за тебя на электричестве, как же.

Хотя фанеру убрали только сверху, прохладный воздух от кондиционера пошел прямым в каморку. Вентилятор продолжал крутиться, и в комнате стало блаженно прохладно. Это была первая ночь в «Обещаю, вам понравится», когда Ян Цзяшэн спал по-настоящему крепко и комфортно.

Сюй Шуньхэ не стал ставить таймер. Кондиционер гудел всю ночь, с восьми вечера до половины четвертого утра, пока они снова не встали, чтобы лепить баоцзы и открывать лавку.

—

<http://bllate.org/book/17131/1600090>